

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ПОСОБИЯ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ

РУЗАН ГРДЗЕЛЯН

*Сведений науки не следует сообщать учащемуся
готовыми, но его надо привести к тому, чтобы
он сам их находил, сам ими овладевал.*

*Такой метод обучения наилучший, самый
трудный, самый редкий...*

А. Дистервег

Каждая наука включает три взаимосвязанные и взаимодополняющие области рассмотрения своего объекта – теоретическую, практическую и учебную. В теоретической и практической областях преобладает тенденция к изначальному расчленению объекта, к выявлению и детализации его свойств. Это и есть поступательное движение научного знания, которое, однако, на определённом этапе с неизбежностью завершается интеграцией добытых знаний.

Учебная же область той или иной науки чаще характеризуется обратной тенденцией. Полученные и впоследствии интегрированные теорией и практикой знания становятся изначальным объектом учебной дисциплины, в задачи которой, прежде всего, входит довести до учащегося общую концепцию теоретического знания, логику построения той или иной научной дисциплины, а уже затем детализацию объекта изучения.

На этом пути важная роль отведена созданию учебной литературы, которая в идеале и должна быть направлена, в первую очередь, на постижение общих закономерностей, лежащих в основании той или иной науки, а также, параллельно с усвоением фактического материала, на развитие мыслительных навыков в этой области. Особое место с указанной точки зрения занимает такой жанр учебной литературы, как пособие. Если учебник ограничен рамками учебной программы, а перед его автором ставится обязательное условие покрыть всю программу и представить канонические знания в той или иной научной области, то пособие рамками программы не ограничено, что позволяет автору представить более расширенно и углублённо отдельные фрагменты учебной программы, а также не включённый в неё материал. Таким об-

разом, структура пособия может быть более гибкой, более творческой и более новаторской. Создать хорошее пособие – задача, на наш взгляд, более сложная и требующая подчас большего профессионального мастерства, чем создание канонического учебника. Между тем, пособие как жанр вузовской учебной литературы неоправданно считается подчинённым учебнику. Возможно, этому способствует также ассоциация слова «пособие» с чем-то «подсобным», «вспомогательным», «второстепенным», а значит, «второсортным» и даже «ущербным», «обслуживающим» лишь нужды учебника.

Пособие несколько отличается также и от «практикума» («сборника упражнений»). Основной целью сборника упражнений является тренировка практических навыков, что, безусловно, способствует более глубокому усвоению той или иной темы, но не обязательно развивает креативное мышление будущего специалиста и не даёт ему дополнительных знаний. Большое количество упражнений может содержать также и пособие, но они должны быть направлены не только на проверку «готовых» знаний, но и на развитие творческой мысли, на формирование деятельностных навыков учащегося и на постижение периферийных явлений изучаемой дисциплины.

Перефразируя известное высказывание И. Канта «Не мыслям надобно учить, а мыслить», мы могли бы сказать «И мыслям надобно учить, и мыслить». «Учить мыслям» призван, в первую очередь, учебник, «учить мыслить» – основная цель пособия.

Ниже мы представим *лингвистические принципы*, которые, на наш взгляд, должны лежать в основе пособия по лексикологии. Оговорим, что мы ставим целью не рассмотрение методических принципов преподавания, а выявление и описание *теоретических лингвистических* проблем, вопросов и явлений, лежащих в основе лексикологии и, следовательно, важных при создании учебной литературы.

Опора на «активный словарь» как основа активного освоения лексики языка. Словари нового поколения существенно отличаются от словарей традиционных и направлены не только на ознакомление и понимание, но и на употребление. Если «пассивный» словарь ограничивается толкованием лексемы и минимальными пометами описательного характера, то «активный» словарь стремится предоставить читателю описание условий употребления той или иной лексемы. По сути, словарная статья активного словаря представляет собой *«паспорт слова»*: лексический – семантический – словообразовательный – грамматический – стилистический – прагматический – просодический – синтагматический. Опишем идею «активного» представления лексемы в самом общем виде. Например, учащийся знакомится с лексемой «лес»,

значение которой он, безусловно, *понимает*. Но он может не знать, каким образом «запустить» механизм употребления этого слова, как его «вмонтировать» в русский дискурс, в тот или иной контекст, в ту или иную ситуацию. Поэтому «активное» описание этой лексемы даёт учащемуся условия, правила и образцы её употребления. Представим фрагментарное, обобщённое и схематичное описание характеристик этого слова. **Лексические связи:** ▪гиперонимы (*природа, растительность*), ▪гипонимы (*дерево, кустарник*), ▪синонимы / тематически близкие лексемы (*дубрава, роща, бор, перелесок, тайга, лесной массив, лесные насаждения, ельник, березняк, сосняк, пуща, чащоба*). **Деривативы:** *лесок, лесничий, лесистый, лесоповал, перелесок, мелколесье, редколесье, разнолесье, безлесье, лесоруб, лесопарк, лесополоса*. **Лексическая сочетаемость:** *чаща леса, опушка леса, глухой лес, лиственный лес, хвойный лес*. **Метафорика:** *зелёное море / золото, зелёный океан / друг / наряд*. **Просодические особенности:** *из лесу* (Мы вышли из лесу), *из лёса* (Из леса доносился звук топора) и т.д.

Таким образом, основным предназначением традиционных, пассивных, словарей является обеспечение **понимания текстов**, основным же предназначением активного словаря является обеспечение **говорения и производства текстов**¹. Отметим лишь, что, представляя лингвистические принципы пособия, мы имеем в виду не столько использование словарных статей при его создании, сколько опору на общую идею построения подобного словаря.

«**Лексический мир**». Известная метафора М. Хайдеггера «язык – дом бытия» позволяет расширить этот образ и представить, что язык населён словами, слова живут в языке, обрастая связями, прорастая и проникая в ментальное пространство этноса, приобретая свой особый характер, смысловые нюансы и культурную значимость. Всё это, в своей целокупности, и есть «лексический мир» слова, то есть тот вербальный мир, который окружает конкретное слово, в центр которого это слово помещено. В подобном значении термин «лексический мир» был употреблён Ю.Д. Апресяном. Мы же употребим этот термин несколько иначе: не лексический мир слова и для слова, а лексический мир говорящего, антропоцентрический лексический мир. И в этом смысле изучать язык – также значит проникать в его лексический мир, делать его «своим» - осваивать. Изучать лексику языка не значит выстраивать в уме «свой» двуязычный словарь, изучать лексику языка - значит осваивать его лексический мир, постигать «дух» слова, его связи с другими словами, особенности лексической сочетаемости, логику и цель слово-

---

¹ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. Москва: Наука, 1974, с. 17.

употребления. Попытаемся описать маленький фрагмент русского лексического мира, то есть выявить возможные лексические связи одного слова. Обратимся к слову «поляна», тематически близкому лексеме «лес». Но для того, чтобы выявленные лексические связи этого слова были наиболее наглядны, сопоставим его с аналогичным армянским словом բլուզիւն.

Каково же лексическое значение слова «поляна»? Во-первых, оно многозначное, следовательно, у него наличествуют смысловые связи между отдельными значениями. С одной стороны, это тривиальный факт семантической деривации – универсального механизма для всех языков. С другой же стороны, характер этих связей может быть специфическим для каждого языка, отражающим особенности менталитета этноса. В русском языке первичным значением этого слова является следующее: «небольшое, заросшее травой, открытое пространство среди леса, кустарников». То, что это первичное значение, уже говорит об определённой важности данного понятия для русского языкового сознания. Производными значениями слова «поляна» являются: «перен. выделяющееся ровное, открытое место»; «жарг. стол с обильным угощением»; «проф. о спортивной площадке, спортивном поле».

В армянском языке русскому слову «поляна» соответствует лексема բլուզիւն, которая, в том числе и этимологически, вроде бы имеет полные параллели со словом «поляна», являющимся, по М. Фасмеру, производным от «поле» с первичным значением 'пустое, полое пространство'. В армянском языке это слово также многозначно, однако первичное его значение не связано с темой леса. Так, в «Толковом словаре современного армянского языка» Э. Агаяна приводится следующее толкование слова բլուզիւն: «բլուզ՝ ազատ տեղ, դաշտաբլու տեղ (открытое, свободное, пустое место); «երկու բաների միջև եղած բլուզ՝ ազատ տեղը, արիւր (свободное место между чем-то и чем-то, промежуток; ср. у С. Малхасянца также 'водораздел', 'пробел между словами в типографском тексте)»; «անտառի մէջ ծառերից ազատ տարածութիւնն (свободное от деревьев пространство в лесу); «փխր. հեռավորութիւնն՝ տարածութիւնն որպէս անշատող հանգամանք (перен. удалённость в пространстве как фактор разделённости); «բլուզ տեղ բազմաբլու շրջակայքն (открытое пространство в окрестностях города; пустырь, пустошь). При однозначном соответствии между русским словом «поляна» и его армянским переводом наблюдается существенное различие между «набором» значений двух межъязыковых синонимов. На первый взгляд, и русская, и армянская лексемы в целом передают одну и ту же общую смысловую идею – идею пустого пространства. Однако наблюдения над словоупотреблением позволяют нам сделать следующую су-

щественную оговорку: если в армянском языке значения слова բլրակիս имеют общий компонент смысла (интегральную сему) 'пустое пространство', то в русском языке значения слова «поляна» имеют несколько иной общий компонент смысла - 'свободное пространство', именно эта разница лежит в основе остальных семантических различий в структуре лексического значения рассматриваемых слов. Этот факт говорит о том, что русское и армянское слово имеют неодинаковые лексические связи: армянское слово բլրակիս в армянском лексическом мире прежде всего связано с такими словами, как «промежуток», «разделённость», «водораздел», «пробел», «пустырь», «о месте: открытый», и только потом – со словом «лес». Русское же слово «поляна» в русском лексическом мире связано с такими словами, как относительно периферийное в ряду указанных значений - «лес», «о месте: ровный», «о месте: открытый», «обильное угощение, стол», «спортивная площадка». Русское слово «поляна», в отличие от армянского բլրակիս, содержит смысловый компонент «заполненность»: «русская поляна» чаще всего чем-то заполнена, населена, что отражается на синтагматических и лингвокультурных особенностях этой лексемы. Наиболее частые определения к слову «поляна» в русском корпусе текстов - *ягодная, земляничная, цветочная, грибная*. Языковое сознание русскоговорящего чаще всего что-нибудь «видит» на поляне – ягоды, цветы, бабочек, траву, пенёк, грибы. Ср. также следующие контексты: *поляна лопухов, целая поляна медуниц; ярко-жёлтая поляна одуванчиков; поляна с изумрудной травой; покрытая ромашками / вереском; в жёлтых цветах; вся в красных маках / вся в стогах / вся в подснежниках; с редкими ёлками; вся поросшая лесными травами; сплошь покрытая мохнатыми фиолетовыми цветами*. Ср. также: «*Порой из ночного мрака ветвей, как утро, рассветала поляна, украшенная благоуханным ковром цветов, не мятых стопою человека*» (Бестужев-Марлинский); «*День жаркий, поляна до краёв солнцем налита, в густой траве дремлют пахучие цветы, и всё вокруг — как светлый сон*» (Горький)². Между тем, в армянском корпусе текстов подобные примеры встречаются редко.

Показательно, что в современной русской кулинарной традиции немало разновидностей салатов получают такие названия, как «*Грибная / лесная / земляничная / цветочная / сказочная / зелёная поляна*», ср. также название продуктового магазина «Поляна». Трудно представить аналогичные армянские названия салатов, точно так же, как и армянский продуктовый магазин под названием «Բլրակիս» или российский магазин с названием «Пустырь». Об этноспецифических особенностях

---

² Примеры взяты с интернет-сайта «Национальный корпус русского языка» www.ruscorpora.ru

этого слова, на наш взгляд, красноречиво свидетельствуют следующие строки Сергея Дурова: «Господь! Я шлю к тебе моление живое, / Чтоб я, чтоб даже враг не знал мой, что такое / Без тени сад, *поляна без цветов*, / Деревья без плода, поля без всходов хлеба, / Без солнца майский день, без звёзд ночное небо / И кровли без птенцов».

Таким образом, мы с большой вероятностью можем предположить, что русское слово «поляна» и армянское слово «րիւզիւն» имеют различные словарные связи и формируют вокруг себя различные лексические миры. И это необходимые знания для адекватного употребления слова «поляна» в русском дискурсе.

«Грамматика» **лексики**. Известно, что лексико-семантические процессы трудно поддаются алгоритмизации. Следовательно, сложно вывести закономерности, которым они подчинены. И, тем не менее, при глубоком исследовании лексической парадигматики и синтагматики такие правила выводимы. При этом возникает правомерный вопрос: если это столь глубинные процессы, нужно ли их учитывать в учебной лексикологии? На наш взгляд, нужно и даже необходимо. Учёт закономерных, по возможности алгоритмизированных процессов, выявленных в лексической семантике, в отдельных случаях помогает построить такую систему упражнений, которая, в конечном итоге, будет направлена на приобретение системных знаний, а также навыков понимания и употребления слов, словосочетаний, выражений. Сказанное касается, прежде всего, полисемии.

Так, Ю.Д. Апресяном исследованы регулярные типы полисемии существительных, глаголов и прилагательных. Регулярность модели семантического перехода нередко является семантической универсалией и обычно предполагает частотность её употребления в речи. Следовательно, упражнения, построенные с учётом фактора регулярности процесса полисемии, будут способствовать более успешному её усвоению. Ср. некоторые примеры Ю.Д. Апресяна: «действие – инструмент действия»: *вентиляция помещения – Вентиляция вышла из строя; принимать душ – Душ испортился*; «действие – способ действия»: *перевод с языка на язык – добросовестный перевод; причёска волос – модная причёска*; «действие – место действия»: *вырубка леса – рабочие на вырубке; внезапная остановка сердца – трамвайная остановка*³. **Лексико-семантическая комбинаторика и лексические функции**. Идеей, противоположной идее регулярности, в определённом смысле можно считать смысловую согласованность, которая, подчиняясь общим законам логики, часто находит в языке индивидуальные проявления. Лексическая сочетаемость, как известно, является сложным участком при изучении языка, а грамот-

---

³ Апресян Ю. Д., там же, с. 198 – 200.

ное сочетание слов – мериллом владения языком. Поэтому при создании пособия по лексикологии особенно важно учитывать данные по исследованию лексической синтагматики.

Для упорядочения моделей лексической сочетаемости, как средство её описания А.К Жолковским и И.А. Мельчуком было введено понятие *лексической функции*. Лексические функции Жолковского–Мельчука для нас особенно ценны тем, что отражают нетривиальную, фразеологически связанную сочетаемость слов и позволяют систематизировать обширный языковой материал. Так, например, лексическая функция Magn позволяет объединить в одном упражнении самые разные словосочетания с общим значением «очень», составить представление о выражении этого значения в русском языке и одновременно с этим получить «файл» с самыми употребительными русскими словосочетаниями, выражающими функцию Magn. Ср.: ▪*Бурные аплодисменты*, ▪*тяжёлая болезнь*, ▪*веский довод*, ▪*блестящая речь*, ▪*глубокие знания*, ▪*обильный урожай*, ▪*буйная растительность*, ▪*завязтый курильщик*, ▪*проливной дождь*, ▪*густой туман*, ▪*сильный ветер*, ▪*убеждённый холостяк*, ▪*круглый отличник*, ▪*круглая сирота*, ▪*крошечная тьма*, ▪*глубокий тыл*, ▪*передний фронт*, ▪*высокая температура*, ▪*божественный голос*, ▪*сумасшедшие цены*, ▪*полномасштабная война*, ▪*безудержное веселье*, ▪*крепкая дружба*, ▪*жгучая брюнетка*, ▪*трескучий мороз*, ▪*отъявленный негодяй*, ▪*гробовое молчание*, ▪*острая боль*, ▪*глубокое чувство*, ▪*убедительная победа*, ▪*упорное сопротивление*, ▪*адские муки*, ▪*райское наслаждение*, ▪*божественный голос*.

Относительно систематизированное изучение основных лексических функций не только обогащает знание русского языка, но также способствует развитию перифрастических способностей и переводческой компетенции учащихся.

Динамический подход к обработке и подаче лексического материала. Изучение лексико-семантических закономерностей языка и процессов, связанных с его словарным составом становится более эффективным при их рассмотрении с процессуальной точки зрения, поскольку любая лексико-семантическая модель или любые лексико-семантические преобразования, логика их развития связаны с временным фактором. Это процессы, развивающиеся во времени. В частности, факт семантической деривации, например, *козырёк (кепки)* и *козырёк (светофора)* можно описать двояко: **статически** – принять к сведению факт наличия в русском языке двух значений у слова «козырёк», закрепить это в памяти и употреблять в речи; **динамически**: выявить связь между исходным и производным значениями, стремиться описать причину и логику подобной связи, то есть найти некоторый общий «семан-

тический знаменатель» (интегральный признак) и смысловые различия (дифференциальные признаки), приводящие к формированию нового значения.

Таким образом, подход к созданию упражнений по возможности должен быть построен на динамическом принципе: не только констатировать языковой факт, но и стремиться увидеть процесс, приводящий к возникновению того или иного явления. Например, диалектизмы, жаргонизмы как таковые вряд ли должны быть целью подробного изучения и запоминания в рамках теоретического курса по русской лексикологии (тем более в армяноязычной аудитории). Однако осмысление процессов, приводящих ко взаимодействию диалектизмов или жаргонизмов с общелитературным словом, понимание того факта, что, например, между семантическим диалектизмом и его литературным вариантом есть связь, некая общая «смысловая платформа», необходимо для формирования профессиональных компетенций будущего лингвиста. Например, такие лексико-семантические диалектизмы, разговорные или жаргонные слова, как *■верх* «сливки», *■мост* «пол», *■зерно* «град», *■обряд* «одежда», *■почва* «ступня», *■лапша* «провода», *■фары* «глаза», *■диван-собака* «большая, лохматая собака», *■уголёк* «афроамериканец», *■бодрый* «нарядный», *■беговой* «расторопный», *■кричать / зевать* (деда) «звать», *■пахать* «мести пол», *■залиться* «утонуть», *■взбодрить* (обед) «перемешать, размешать», *■носить* (запах, духи) «употреблять», семантически связаны со своими аналогами в литературном языке. Таким образом, имея знания о семантических преобразованиях слова, о возможных семантических переходах, учащийся может их выявить и объяснить, как они связаны.

Кластерный метод подачи материала. Лексика любого языка представляет собой группы и группировки слов, объединяемых по какому-либо принципу, на каком-либо логико-семантическом основании – это синонимические и антонимические ряды, гиперо-гипонимические и тематические группы, словообразовательные гнёзда, лексико-семантические группы и поля и т.д. Склонность лексики к подобным образованиям уже говорит об эффективности изучения словарного состава группами, своего рода «смысловыми конгломерациями», да и само выражение «группа слов» носит терминологический характер. Однако мы предпочитаем употреблять термин «кластер», поскольку он подчёркивает тот факт, что некоторая группа, объединение слов не является простой суммой слагаемых, а может рассматриваться как отдельная, самостоятельная единица, обладающая теми или иными свойствами. Так, например, синонимический ряд с семантической точки зрения представляет собой не простую группу («сумму») схожих по значению

слов, не простой «набор» этих значений, а некое смысловое целое, некий «концепт» с общим смыслом, внутри которого отдельные значения, отдельные компоненты смысла получают свою особую значимость, ценность, поскольку находятся именно в такой, а не в какой-либо иной дистрибуции.

Рассмотрим с этой точки зрения русский синонимический ряд лексем, обозначающих человека высокого роста: **высокий, высоченный** (прост.); **высокого роста, большого роста, высокорослый, рослый; долговязый, длинный** (разг.). Особенность смысловой организации синонимов заключается прежде всего в том, что синонимический ряд рассматривается как единый, «нерасчленённый» концепт, который, вербализуясь, образует своего рода «смысловую колонию». В разных языках эта «колония» имеет различный состав, элементы («микроорганизмы») разной смысловой конфигурации, а также различный характер между ними, что при изучении лексической сочетаемости, словоупотребления представляет собой определённую сложность. Итак, по-русски о человеке можно сказать нейтрально, просто – «высокий», «высокого роста» - и указать тем самым только лишь на его определённые параметрические данные; можно также интенсифицировать параметрический признак и назвать человека «высоченным»; однако можно также сказать о человеке «рослый», подчёркивая связь с «ростом», с действием глагола «расти», привнося тем самым в параметрическую характеристику семантику процессности (ср. также с этой точки зрения диалектизм *росляга*).

Синоним **долговязый** обозначает человека высокого и тонкого. По данным Вл. Даля, это слово связано с глаголом «верзить» - «говорить или делать что-либо продолжительно, но беспутно, бестолково». Нельзя не учитывать, что семантика исходной лексемы в той или иной степени влияет на структуру лексического значения производного слова. Так, в Словаре С.И. Ожегова слово «долговязый» определяется как «высокий, худощавый и нескладный». Именно смысловой компонент «нескладный» в определённой мере регулирует словоупотребление, накладывая запрет на появление данной лексемы в некоторых контекстах (как правило, однозначно положительных). Видимо, именно отрицательная коннотация этого слова допускает его употребление в функции обращения, предиктирующего определённый признак. Ср. обращения «*Долговязый!*», «*Эй (ты), долговязый!*» в функции субститута имени собственного, ср. также высказывания «*Скажи Долговязому*», «*Спроси у Долговязого*».

Другой синоним слова «высокий» - **длинный** – отличается от доминанты на первый взгляд только стилистически, хотя с семантической

точки зрения оно также не тождественно прилагательному «высокий», отличающемуся таким пространственным параметром, как 'снизу вверх'. Лишённое этого семантического параметра, прилагательное «длинный» в значении «человек высокого роста» тем не менее приобретает определённые коннотации, скорее всего неся в себе при словоупотреблении, на поверхностном уровне, эффект «очарования лёгкой неправильности».

Однако глубинная семантика лексем *высокий*, *длинный*, *долговязый*, *рослый* не одинакова: будучи предикатами качества, они тем не менее наделены разными семантическими свойствами. Так, для «я»-предложений подобные предикаты нехарактерны, однако могут встретиться в тех случаях, когда субъект по той или иной причине вынужден описать свою внешность. Но предикатом подобного предложения, скорее всего, может стать только нейтральное прилагательное «высокий», генерализующее данный признак, ср. возможный диалог: - *Как мне вас узнать?* – **Я высокий**, в спортивной куртке, в руках у меня (будет) газета. Однако весьма сомнительны высказывания *Я рослый / долговязый / длинный* (за исключением самокритичной оценки): *Не нравлюсь я себе: долговязый какой-то, нескладный весь*. Так же сомнительны высказывания с субъектом «ты», хотя и здесь возможны ситуативно закреплённые употребления, ср.: - *Как тебе кажется, я высокий?* – *Да, ты высокий*. Но: ? - *Как тебе кажется, я долговязый / длинный?* Однако при этом с прагматической точки зрения вполне адекватны обращения, представляющие скрытую предикацию с оценочной семантикой, ср.: *Эй, долговязый, пойдя сюда!* Но: ? *Эй, высокий / рослый / длинный, пойдя сюда!*

«Он»-предложения с указанными предикатами интересны в первую очередь тем, что они не способны перифразироваться в «я»-предложения. Подобную «неконвертируемость» уже саму по себе можно считать языковой особенностью и искать причину семантических отличий именно в этом направлении. Но и здесь не все из рассматриваемых лексем можно считать одинаковыми с точки зрения их вовлечённости в данный тип предложений. Так, естественно высказывание (1) *Антон – высокий (парень)*. Однако нам представляется семантически не вполне адекватным высказывание ?(2) *Антон – долговязый / длинный (парень)*, но при этом добавление распространителя устраняет семантическую «неправильность», ср.: (3) *Антон – долговязый **такой** парень – не знаешь его?* (4) *Антон – долговязый парень **в очках***.

Разница между прилагательными *высокий* – с одной стороны, и *длинный*, *долговязый* (отчасти *рослый*) – с другой заключается, по всей вероятности, в семантической природе их предикующих признаков.

Так, в предложении (1) субъект характеризуется и одновременно подводится под класс объектов «человек высокого роста», а в предложениях (2) – (4) субъект характеризуется и одновременно с этим идентифицируется, но, что весьма существенно, не подводится под данный класс. Именно в этом нам видится основное различие в семантике рассматриваемых слов – прилагательное *высокий* способно выступать классифицирующим предикатом, а прилагательные *долговязый, длинный, рослый* не обладают семантическими качествами классифицирующего предиката: они лишь характеризуют и идентифицируют.

Таким образом, рассматриваемый синонимический ряд, взятый в своей целостности, представляет собой некое концептуальное образование, где каждый из синонимов наделён своими семантическими особенностями и тонкостями словоупотребления. Рассматривая их именно вместе, учащийся может получить полноценные знания об употреблении данных лексем в русском дискурсе и об их семантических различиях и, например, рассказывая о себе, не скажет «*Я долговязый*» вместо «*Я высокий*» или «*Я понаехал в 2020 году*» вместо «*Я приехал*» (примеры взяты из речи студентов КНР).

Несколько иную картину являет собой соответствующий синонимический ряд в армянском языке. Ср.: բարձրահասակ (высокий + рост), երկայնահասակ (длинный + рост), երկայնակազմ (длинный + фигура), Գեղարքունիքի (богатырского сложения, громадный, гигантский + рост), Գեղարքունիքի (богатырского сложения, громадный, гигантский + крепкое, мощное телосложение), հսկայահասակ (гигантский + рост), հսկայահասակ (большой, крупный, гигантский + рост), հսկային (большой, крупный, гигантский + часть тела), երկար (длинный), а также բոլոր, բոլոր-բնակաբնակ, բոլոր-սոլոր, լոկո, Կոկո: Как и в русском языке, в соответствующей армянской синонимической группе «переплетены» семы ‘высота’, ‘длина’, ‘рост’. Однако, в отличие от русского языка, в склонном к словосложению армянском языке реже встречается диффузное употребление слова, поскольку вторая основа, как правило, детализирует значение первой основы. Одновременно с этим техника словосложения позволяет вовлекать в синонимический ряд основы с более отдалёнными значениями, ср. մեծահասակ (большой + рост; большого роста), հսկայահասակ (большой, крупный, гигантский + рост), Գեղարքունիքի (богатырского сложения, громадный, гигантский + рост). В данном случае специфические смысловые компоненты первых основ также нейтрализуются семантикой второй основы, детализируя тем самым значение композита. Однако данный факт не означает, что семантика первых основ, их другие значения, а также их внутренняя форма не влияют на смысловую организацию

композиата. Так, функционируя в тексте, данные композиты часто выступают аналогами словосочетаний, в которых адъектив является эпитетом или сравнением – «гигантского роста», «высокий, как богатырь». Кроме того, специфична и интересна внутренняя форма, в частности таких основ, как, հիղթաշ-, զիղթաշ-. Основа հիղթաշ-, имея в современном армянском языке значение «большой, крупный, гигантский», увязывается со значениями «победа», «победный». Лексема զիղթաշ, этимологически восходящая к наименованию народности – «парфянин» - имеет в современном армянском языке метафорическое значение «богатырского сложения», «громадный, гигантский», что связано с историческими и этнокультурными фактами.

Таким образом, в целом схожие с семантической точки зрения синонимические ряды в русском и армянском языках имеют свои особенности лексической сочетаемости, словоупотребления, а в отдельных случаях этноспецифического восприятия слов-синонимов, следовательно, это разные концептуальные образования и отчасти разные видения высокого роста человека.

Объём словарного материала: принцип «насмотренности».

Объём словарного материала, рассматриваемого в пособии, играет важную роль как в изучении теории лексикологии, так и в практическом освоении лексики русского языка. Изучая язык с теоретической и практической точек зрения, учащийся должен приобрести языковой и речевой опыт, который не в последнюю очередь достигается накоплением знаний и своего рода «складированием» в памяти русских слов, выражений, стандартных контекстов и ситуаций их употребления. Именно с этой точки зрения важны не только сами виды заданий, направленных на развитие профессионального мышления и тренировку пройденного теоретического материала, но и обеспечение «лексического покрытия» - большого количества включаемых в задания, в целом в изучаемую тему, слов, словосочетаний, выражений, образцов их употребления в речи. По этой причине многие упражнения можно также рассматривать как своего рода «микрословарики», которые могут запоминаться учащимися именно группами, «пучками» однородных слов. Следовательно, при изучении языка важную роль играет известный в дизайнерском деле и искусстве *принцип насмотренности* – *визуального* опыта, приобретённого в результате просмотра *большого количества* арт-объектов, архитектурных памятников, а также витрин, продаваемых в магазинах товаров и т.д. Визуальный опыт, связанный с языковым эмпирическим материалом, с восприятием его смысла и словоупотреблением, и есть «языковая» насмотренность. Принцип насмотренности при изучении языка способствует развитию у учащихся чувства «правильности

речи», нормы словоупотребления (безусловно, наряду с изучением языковых правил и закономерностей), а также «языкового вкуса» и чувства стиля.

Таким образом, «языковую» насмотренность можно считать одним из способов приобретения языковых знаний. Достаточный уровень «языковой, «речевой», «дискурсивной» насмотренности играет важную роль при изучении языка: в ментальном словаре говорящего фиксируются и откладываются в памяти правильные образцы употребления слов и выражений, своего рода «дискурсивные полуфабрикаты» - языковые единицы, «привязанные» к стандартным контекстам и ситуациям общения. Насмотренность способствует также развитию умения адекватно оценивать стилистический регистр слова и его прагматический потенциал. Это важное условие формирования знаний, умений и навыков при теоретическом и практическом изучении любого эмпирического языкового материала, в том числе и словарного.

Рассмотрим действие эффекта насмотренности на примере неавторских неологизмов. Известно, что для русского языка в целом, как и для русской разговорной речи в частности, характерно употребление префиксально-суффиксального словообразования. Данный способ позволяет быстро, часто, мобильно образовывать новые слова в каждой вновь возникшей ситуации. При этом неавторские окказионализмы образуются по известным в русском словообразовании моделям. Ср.: *мокрушки* «отсыревшие сушки», *похвастушки* «хвастовство удачами», *покатушки* «катание на машине», *нескладушки* «сложные взаимоотношения»; *царапалка* «плохая ручка», *скатьвалка* «трамплин», *бренчалка* «гитара», *дымилка* «сигарета», *сосалка* «леденец», *прощалочки* «формулы прощания», *вязалочки* «вязанные вручную изделия»; *колбасятина* «колбаса», *голливудятина* «жизненная ситуация, полная невероятных событий», *нудятина* «о чём-то нудном»; *безмагазинье*, *бескнижье*, *бесшоколадье*; *укольщица* «медсестра», *проверяльщица* «контролёр», *лесенка-чудесенка* «эскалатор в метро»; *забавнюга* «о шенке»; *кактусятки* «маленькие кактусы»; *нервяк* «нервное состояние»; *бадминтонить* «играть в бадминтон», *мигренить* «иметь головную боль, мигрень», *ресторанить* «ходить в ресторан», *скорпионить* «говорить колкости», *прогенералить* «сделать генеральную уборку», *фотосесить* «делать серию фотографий», *креативить* «быть инициативным и творческим в каком-либо деле»; *мангалить*, *шашлычить* «готовить шашлыки»; *санитариться* «дезинфицировать руки алкогелем», *омосковиться* «стать как москвич, москвичом». Ср. также словосочетания и высказывания: *чебурахнутые кактусы*, *о жёстких котлетах: асфальтовые котлеты*; *о молодой девушке: Ну сейчас она, может, и как*

берёзка, но тогда была ещё берёзистой; •Она у меня августовочка (родилась в августе); •войдя в ресторан: Ну, прям(о) красивенько здесь так, элитненько!; любуясь видом из окна автомобиля: «Здесь красивенько так, интересненько так, замечательненько так!»; •на улице русского города со старыми деревянными домами: «Здесь славненько так, экологичненько так, деревянненько так!»; •Ну что ж ты всё время ругаешься?! Не духовненько это, не православненько! •о детях, которые одни пришли из школы домой: Они у нас сегодня самостояшки; •говорит по телефону, но видеосвязь не включается: «Сегодня связь какая-то нефонтистая!»; •Ну как я довольна своими новыми тапками! Такие бегучие! Такие прыгучие!»⁴

Знакомство с подобными моделями образования неологизмов и типовыми ситуациями, внутри которых они зарождаются, вернее, с вербальными способами реагирования на эти ситуации, очень важно и необходимо для более глубокого проникновения в русский лексический мир.

Мы попытались определить лингвистические принципы, которые должны лежать в основе пособия по лексикологии русского языка в рамках *теоретического* курса «Современный русский язык» для студентов-филологов. Подобный курс, на наш взгляд, должен преследовать три цели: дать теоретические знания в области лексикологии и семантики русского языка, обогатить словарный запас учащегося и, что самое главное, привить навыки самостоятельного анализа процессов, приводящих к образованию тех или иных языковых, лексико-семантических особенностей, характерных для русского языка, в частности в сфере словоупотребления.

При этом хотелось бы суметь соответствовать принципу Альберта Эйнштейна: «Я ничему не учу своих учеников, я лишь создаю условия, в которых они сами научатся».

Ключевые слова: *активный словарь, лексический мир, грамматика лексики, лексический кластер, лексические функции, динамическое описание, статическое описание, принцип насмотренности*

ՌՈՒԶԱՆ ԳՐԶԵԼՅԱՆ – Բառագիտության ձեռնարկի ստեղծման լեզվագիտական հիմունքները – Հոդվածը նվիրված է ռուս բառագիտության ուսումնական ձեռնարկի ստեղծման լեզվագիտական հիմունքներին՝ ակտիվ բառարանի սկզբունքների օգտագործմանը, ռուսերենի և հայերենի «բառային աշխարհ» և «բառային քերականություն» գործոնների կիրառմանը, բառիմաստի վերծանման և մեկնաբանման արդի մոտեցումներին, որոնք հիմնված են լեզվի

⁴ Большинство примеров заимствовано из устной речи пользователей социальных сетей, а в отдельных случаях из книги «Русская разговорная речь». Отв. ред. Е. А. Земская, М.: Наука, 1973.

դինամիկ նկարագրության վրա: Փորձ է արվում կիրառել արդի լեզվագիտական մեթոդաբանությունը և հետազոտական հնարքները լեզվագիտության ուսուցման բնագավառում:

Բանալի բառեր – *ակտիվ բառարան, բառային աշխարհ, բառային քերականություն, բառային գործառույթ, դինամիկ նկարագրություն, ստատիկ նկարագրություն*

ROUZAN GRDZELYAN – *Linguistic Principles of Creating a Textbook on Lexicology.* – The article discusses the linguistic principles of creating a textbook on the lexicology of the Russian language: the application of the principles of an active dictionary taking into account the factors of the lexical world and lexical grammar, dynamic description of lexical meaning. The article attempts to apply the modern linguistic methodology and research techniques in the field of educational linguistics.

Keywords: *active dictionary, lexical world, lexical grammar, lexical functions, dynamic description, static description*

Поступление: 18.09.2020,

Рец.: 16.10.2020,

Принято к печати: 25.12.2020